

2.08.2004

Липскеров Дмитрий

Смена. - СФБ. - 2001. - 2 апр. - с. 4

Что хорошо для Книги рекордов...

Превращения гуманоидных персонажей в представителей фауны - явление в культуре известное. Придя из народного фольклора, этот экспрессивный прием оплодотворил литературу рядом бессмертных образов (один Грегор Замза чего стоит!), после чего стал эксплуатироваться в основном массовой культурой. Но иногда все же появляется какая-нибудь "Белка", "Жизнь насекомых" или роман Дмитрия Липскерова "Последний сон разума", в которых старый прием пытаются реанимировать.

Вышедший в прошлом году в издательстве "Вагриус" роман Липскерова начинается с того, что работник рыбного отдела Ильяс превращается в рыбу. Местные браконьеры рыбу ловят, калечат, после чего следует превращение в голубя. Другие персонажи также не брезгают метаморфозами, из-за чего возникает ощущение зыбкой, свободно перетекающей из формы в форму биомассы.

Утрату человеческого в искусстве философ Ортега-и-Гассет называл дегуманизацией и рассматривал как закономерную болезнь времени. Превращение человека в рыбу или птицу вро-

де бы также иллюстрирует эту тенденцию, но - не будем спешить с выводами. Конечно, делается не по себе, когда представляешь старого татарина Илью в роли полуметрового сома или видишь участкового Синичкина, чьи ноги надуваются до слоновьих размеров, рождая из своих глубин то рыбку, то птичку.

"Что-то надорвалось на его коже, и если бы он мог видеть сквозь туман, то наверняка заметил бы, как из его ноги выдупилась крошечная птичка, с пчелку, которая уверенно вспорхнула в густом тумане и полетела в холодную тьму. Капитан милиции Во-

лодя Синичкин вновь родил".

Эффектная вообще-то картинка. Но если бы автор этим ограничился, метаморфозы вызвали бы в лучшем случае любопытство (в худшем - отвращение). Здесь же под внешними эффектами прячется иной содержательный пласт, если не полностью, то отчасти оправдывающий авторские "эксперименты". Преодолев шок, читатель, как ни странно, обнаружит здесь что-то вроде гуманистического пафоса.

Сом-Илья, прикрывающий своим телом оплодотворенную икру, вызовет искреннее сопереживание, тем более это необычная икра, из нее появляются на свет маленькие дети, которых безжалостно рвет на части воронье. И возлюбленная героя - Айза, которая несколько раз рождается и погибает, также вызовет наше сочувствие. По мере чтения начинаешь понимать: болит и страдает просто живое; а кто убивает и причиняет страдание - вороны или грузчик-садист Петров

- не столь важно. Да и душа Петрова не окончательно оскудела, поскольку грузчик подбирает и выхаживает одного из уцелевших младенцев.

Впрочем, стремительно растущие младенцы - наиболее загадочные персонажи романа. Один из них становится патологическим убийцей - воин-Батыем, другой превращается в говорящее дерево, а третья, выдав несколько "прогнозов на будущее", погибает в пруду от зубов злобных пираний.

Ближе к финалу число загадок нарастает: многочисленные смерти, туманные пророчества и бесконечные превращения сплетаются в клубок, распутать который не под силу, думается, даже автору. И естественно, возникает проблема доверия к тексту. В эстетике "фантастического реализма" вообще очень важно не заиграться, не скатиться до пустого "фэнтэзи", когда крылья бесконтрольного воображения выносят туда, где нормальные читатели машут руками: не верю! Необычное, по их представлению, должно все же вырастать из тривиального, а не вламываться

в него на каждом шагу, как равноценная реальность.

Еще в финальных эпизодах много резонерства, когда пытаются словами выразить то, что вообще-то покрыто Тайной, приподнять завесу которой подвластно разве что самым талантливым поэтам. Фантазия автора парит в той области, где проходит граница между Жизнью и Смертью, и несоответствие серьезности темы (которую даже не хочется называть дежурным словом "тема") усредненной беллетристической форме представляется очевидным недостатком талантливого произведения.

К тому же Дмитрий Липскеров, похоже, поставил себе задачу воплотить рекордное число метаморфоз, далее превращая Илью Ильясова еще и в таракана.

Но что хорошо для Книги рекордов Гиннеса (ее представитель Жечко Жечков, кстати, постоянно мелькает на страницах), то не всегда на пользу тексту.

Владимир ШПАКОВ